

СТЭНФОРДСКАЯ МОДЕЛЬ КРИЗИСА РАЗВИТИЯ

И.Ю.Окунев

Ключевые слова: политическое развитие, кризис, математическое моделирование, структурный функционализм, теория рационального выбора.

Одним из самых удачных опытов сравнительного исследования политических трансформаций является так наз. Стэнфордский проект. Это исследование было проведено под руководством Габриэля Алмонда в конце 1960-х — начале 1970-х годов. Основой проекта послужила регулярная работа семинара по исследованию причинности развития при Институте политических исследований Стэнфордского Университета. По итогам проекта была издана книга “Кризис, выбор и изменение. Исторические исследования политического развития” [Crisis, Choice and Change 1973]. Ее редакторами вместе с Алмондом стали Скотт Флэнаган (Университет штата Флорида) и Роберт Мундт (Университет Северной Каролины). Алмонд осуществлял общее руководство и создал своего рода концептуальную рамку всего проекта. С.Флэнаган описал модель кризиса и разработал математический аппарат всего исследования. Кроме упомянутых трех человек, в этом проекте участвовало еще несколько компаративистов, которые осуществили исследования отдельных кризисов развития с использованием единой эмпирической модели. Эта модель стала одним из крупнейших достижений науки. Она заслуживает широкого использования и всяческого совершенствования.

136

Во вводной главе “Подходы к каузальности развития” Г.Алмонд сосредотачивает внимание на недостатках исследований, предпринятых в парадигме новой сравнительной политологии. Как известно, в начале 1950-х годов в науке складывается достаточно строгая методологическая система, появляются очень большие ожидания, разворачивается массивный набор исследований. Достижения были бесспорны, однако Алмонд обращает внимание коллег прежде всего на то, чего не удалось добиться, с какими проблемами пришлось столкнуться, какие обещания новая сравнительная политология не смогла осуществить. Алмонд, например, показывает, что бинарные модели при всем своем потенциале отягощены серьезными недостатками. Дихотомические схемы могут раскрыть только полярные качества политической трансформации — исходное и конечное. Алмонда же с коллегами интересует, как же все происходит, чем заполнено пространство перехода.

Алмонд последовательно рассматривает четыре основных каузальных модели и лежащие в их основе теории — рационального выбора, лидерства, социальной мобилизации, а также структурный функционализм (см. табл.1).

Анализ начинается со структурно-функционалистской теории причинности. Алмонд — сам структурный функционалист — критикует ее за чрезмерно жесткую детерминацию, которая хороша для изучения стабильного функционирования, но совсем не подходит для исследования кризисов.

Таблица 1

Подходы к объяснению развития

	Стабильность	Развитие
Детерминированность	Структурный функционализм	Теория социальной мобилизации
Выбор	Теория рационального выбора и коалиций	Теория лидерства

После критики структурного функционализма Алмонд обращается к каузальным теориям социальной мобилизации. Алмонд ссылается на зачинателей этих теорий, включая Карла Маркса и марксистов в целом, на своего коллегу и учителя Карла Дойча [Deutsch 1953], а также на труды Дэвида Лернера [Lerner 1958] по социальной мобилизации 1950-х и 1960-х годов. В частности, Лернер выделяет социальную мобилизацию как особый способ развития, когда некие политические акторы вполне сознательно и последовательно навязывают развитие политическому сообществу, “мобилизуют” его. Если говорить очень условно, это создание современности не вполне современными способами. У Лернера развивающиеся страны стремятся осуществить быструю, ускоренную модернизацию и для этого прибегают к социальной мобилизации. Одновременно с Д.Лернером теорию социальной мобилизации разрабатывали десятки его коллег. Достаточно упомянуть Сирила Блэка с его книгой о динамике модернизации [Black 1967] и Дэвида Аптера с его книгой о политике модернизации [Apter 1965]. Аптер противопоставляет мобилизационный путь развития иному, который характерен для так наз. согласительных (*reconciliation*) политических систем, которые уже достигли некоего уровня современности.

137

Ценным в теории социальной мобилизации для Алмонда является акцент на изменении, ведь сама мобилизация – это и есть переход от одного состояния к другому. Сам же переход объясняется действиями мобилизующих, модернизирующих элит. Недостаток же теорий мобилизации в том, что и действия элиты, и сам процесс мобилизации крайне тяжело описывать. Теория здесь оказывается заложницей интерпретации намерений самой элиты.

С точки зрения теории рационального выбора тоже происходит оценка причинности развития, в том числе исторической и эволюционной причинности. Достоинством теории рационального выбора с точки зрения эволюционной причинности можно считать то, что рациональный выбор предполагает осуществить некий расчет альтернатив, на основании которого мы можем действовать. Это означает, что при нем есть очень хорошая возможность альтернативного выбора, в которой момент выбора совершенно отчетливо присутствует. Как известно, в рамках теории рационального выбора ключевое значение приобретает идея оценки альтернатив и выбора между ними. Собственно даже само слово “выбор” становится ключевой самоидентификацией данного научного направления. Анализ, как правило, происходит в рамках моделирования некой игры, в которой, в зависимости от того, как ведут себя играющие, появляются разные варианты дальнейшего поведения и, соответственно, результатов.

Однако на деле далеко не все политики настолько рациональны, насколько того требуют допущения теории рационального выбора. Но самое интересное в том, что в рамках этого объяснения мы тоже имеем дело со скачками, которые соединяют некие очень стабильные состояния. Более того, мы можем оказаться в ситуации, и это доволь-

но частая ситуация, когда мы имеем дело с некими патовыми вариантами, или, во всяком случае, с такими ситуациями, когда нарушить эту возникающую в рамках рационального выбора стабильность крайне тяжело. Мы, например, знаем, что это не стабильность, а именно ситуация кризиса. Однако с точки зрения рационального выбора этот кризис тоже интерпретируется в силу своей неопределенности как патовая ситуация. Как из этого кризиса выйти, с точки зрения рационального выбора, часто оказывается непонятно. Он не объясняет выхода в условиях неопределенности, точнее, само объяснение становится еще более неопределенным, чем сам кризис. Конечно, это неудовлетворительно, так как не позволяет осуществить независимое воспроизведение результата исследования и его проверку, как этого требует наука.

Четвертая теория, которую Алмонд тоже пытается критически использовать, — это теория лидерства. Она предполагает, что лидеры предлагают некие альтернативы, которые соревнуются между собой, а затем происходит отбор этих альтернатив. На ключевые позиции выдвигаются те лидеры, которые эти альтернативы предлагают. Соревнование обеспечивает эволюционную причинность, объясняет, почему произошел тот или иной ход развития.

На основе критики четырех направлений Алмонд и его коллеги предпринимают попытку соединить достоинства этих научных подходов. Они ставят перед собой задачу трансформировать исторические эпизоды в аналитические, в результате чего формулируют некую обобщенную модель кризиса.

Способ, которым стэнфордцы пытаются соединить достоинства различных подходов, схематично представлен в табл. 2.

Таблица 2

Трансформация исторического эпизода в аналитический эпизод

I	II	III	IV	V
Начальная (предшествующая) политическая система	Независимые переменные	Зависимые переменные	Порождаемые связи	Конечная (получаемая) политическая система
1. Свойства системы и среды	1. Внешние	1. Результирующие коалиции	1. Связи (linkages) между системой и средой	1. Свойства системы и среды
2. Свойства структур и функций	2. Внутренние	1. Результирующий политический курс	2. Связи между структурами и функциями	2. Свойства структур и функций
3. Свойства решений и коалиций			3. Связи между коалициями и принятием решений	3. Свойства решений и коалиций
4. Свойства лидерства			4. Лидерские связи	4. Свойства лидерства

Предшествующая политическая система (antecedent political system) через серию переходных состояний соединяется с *последующей политической системой (consequent political system)*. Всего получается пять фаз: исходная, три переходные и завер-

шающая. Первая переходная характеризуется ведущей ролью *независимых* переменных, как *экзогенных* (внутренних), так и *эндогенных* (внешних). Затем следует фаза, где на первый план выступают *зависимые* переменные: результаты формирования *коалиций* и *политических курсов*. Наконец, в фазе под номером IV главными становятся так наз. *связанные новации* (*linked developments*).

Следует обратить внимание на то, что данные пять фаз являются аналитическими инструментами, позволяющими сгруппировать эмпирические данные и выявить их значимость. В табл. 2 мы находим не особые состояния изучаемых политий, не стадии перехода, а аналитических проекции, которые высвечивают некие качества, которые мы можем найти и в той и в другой изучаемой политике — прежней и новой.

В табл. 2 выделяются отдельно экзогенные и эндогенные, т.е. внутренние и внешние независимые переменные. Дальше следуют зависимые переменные, т.е. то, что получается в результате воздействия экзогенных или эндогенных факторов соответственно. Все это сильно напоминает подход структурного функционализма, может быть, несколько дополненный не вполне детерминированными самой системой произвольными действиями неких внешних и внутренних акторов. Кроме того, появляются коалиционные акторы и выражения их политической воли — политические курсы. В итоге, даже с этими дополнениями мы имеем дело с детерминированной интерпретацией перехода, которую Алмонд и критиковал. Чтобы снять этот функционалистский схематизм, на следующем этапе вводятся связанные новации, что позволяет подключить три других подхода. В таблице представлены четыре связанные новации. Две отчетливо функционалистские (система-среда и структура-функция), а две иные (решения-коалиции и лидерство). Более подробно зависимые и независимые переменные различных аспектов и сторон политических изменений даются в виде табл. 3.

Таблица 3

Независимые переменные	Зависимые переменные
Внешние причины изменений	
А. Долгосрочный период 1. Изменения в структуре общества и культурные изменения 2. Изменения в международной системе	А. Структура и состав политического спроса
В. Краткосрочный период 1. Ускорители а) внутренние б) международные 2. Замедлители а) внутренние б) международные	В. Распределение политических ресурсов
Внутренние причины изменений	
1. Преференции акторов 2. Ресурсы акторов 3. Предпочтения акторов в отношении решений и коалиций А) Индивидуальные В) Коллективные	1. Выигравшая коалиция 2. Результирующий политический курс

(Окончание таблицы 3)

Независимые переменные	Зависимые переменные
Порождаемые связи развития (developmental linkages)	
1. Сформировавшаяся коалиция 2. Результирующий политический курс	1. Связи (linkages) между системой и средой 2. Связи между структурами и функциями 3. Связи между коалициями и принятием решений 4. Лидерские связи

Во второй главе “Модели и методы исследования” Скотт Флэнаган предлагает математический аппарат для последующего исследования, а главное трансформирует методологическую схему Алмонда в операционную модель кризиса. Он отталкивается от фактически той же последовательности стадий, что мы видели в табл. 2, но располагает их для наглядности вертикально — начальная стадия вверху, а завершающая внизу. Кроме того, он соединяет две последние фазы Алмонда в одну (табл. 4.).

На первой фазе находится предшествующая система (*antecedent system*), которая характеризуется синхронизацией (*synchronization*) или, другими словами, соответствием одних действий другим, ролей — их исполнению (*performance*), структур — функциям и т.п. Данная фаза легко описывается средствами структурного функционализма.

При наступлении же второй фазы происходят изменения по экзогенным и эндогенным параметрам. Это независимые переменные — внешние и внутренние по отношению к системе. Внешние могут касаться всего, что находится вне данной политической системы: международных событий, экономических проблем, демографического кризиса и т.п. Внутренние изменения касаются действий политиков и граждан. Однако Флэнаган выделяет также — и вполне справедливо — изменения в осуществлении управления (*changes in government performance*). Действительно, для политической системы самым главным является поддержание необходимого уровня и качества управляемости. Если управление стало в чем-либо неудовлетворительным, то это первый знак о возможности или даже о приближении системного кризиса.

В самом центре, на перекрестье внешних и внутренних воздействий, появляется крайне важное, ключевое звено — агенты мобилизации требований. Это субъекты, а чаще институты, организации, группы интересов, которых внешние или внутренние изменения затрагивают и которые начинают на них реагировать. В качестве одного из видов реакции они выдвигают общесистемные требования, которые затрагивают всех. Иногда это частные требования, однако в любом случае это уже особенные требования: они отличаются от тех, которые выдвигались в синхронизованном состоянии. При описанных выше условиях требования носили как позитивный, так и нормативный характер (т.е. должны были выполняться и выполнялись).

Когда требования выдвигаются в синхронизованной системе, они выполняются: один выдвигает требования, другой их выполняет. Таким образом, акторы связаны друг с другом и между ними действует обратная связь. Обе стороны удовлетворены, и их требования сбалансированы. В результате изменений происходит поляризация требований и возникает асимметрия требований. Помимо этого, некоторые отдельные акторы начинают выдвигать требования, которые могут не сог-

ласовываться с другими. Порой одни и те же акторы могут требовать осуществления целей, которые не согласуются друг с другом в принципе, в результате чего возникает конфликт и начинается поляризация систем.

Таблица 4

Четырехфазная модель процессов кризиса и изменения

Названия фаз	Составляющие фаз
Первая фаза. Предшествующая политическая система	Характеристики среды и функционирования политической системы СИНХРОНИЗАЦИЯ
Вторая фаза. Изменения среды и функционирования системы	Социально-экономические изменения ↓ Агенты мобилизации требований ↓ Изменения → Поляризация требований ← в осуществлении среды управления ↓ ДЕСИНХРОНИЗАЦИЯ ↓ Ускорители кризиса ↓
Третья фаза. Формирование коалиций и разрешение кризиса	Кризис ↓ ПРОРЫВ (успешный либо предпринятый) ↓ Формирование коалиции и политического курса ↓
Четвертая фаза. Связи развития и разрешающая система	Структурные изменения ↓ Перераспределение ресурсов ↓ Установление связей со средой ↓ РЕСИНХРОНИЗАЦИЯ

В результате поляризации требований наступает “десинхронизация и ускорение кризиса”. Эти процессы связаны не просто с поляризацией кризиса, они уже могут вовлекать какие-то институциональные, ранее существовавшие связки, которые были встроены в эту синхронную систему. Связки могут затрагиваться институциональными сбоями, они могут разрушаться, отсутствовать, в результате чего кризис начинает нарастать.

На третьей стадии происходит прорыв, успешный или предпринятый. Кризис может затягиваться в силу того, что пока нет его разрешения, прорывы один за другим неудачные, т.е. они не ведут к формированию победных коалиций. На этом уровне возникают связки трех типов — структурные (*structural*), распределительные (*allocational*) и средовые (*environmental*). Подобные связки появляются, когда они подготовлены формированием коалиций и их политик, что зависит от того, какая используется конфигурация результирующих решений коалиции и их политических курсов. Эти коалиции и проводимые ими политические курсы также могут быть удачными или неудачными. Только при появлении достойного, минимально удовлетворительного выбора третья фаза может закончиться: мы можем получить какие-либо результаты после неопределенного числа прорывов. Таким образом, путем проб и ошибок, или, например, путем столкновения каких-либо мобилизационных планов, или столкновения каких-то лидерских потенциалов разных группировок, т.е. в результате совершенно произвольных вариантов появляется некий предварительный результат, который, во-первых, является победным, а во-вторых, в качестве такого победного результата или любого другого результата даже проигравшие готовы его принять, поскольку этот результат лучше, чем нарастающий кризис.

В целом Флэнаган приводит следующую классификацию коалиций:

1. Потенциальные коалиции — любые коалиции, успешная или безуспешная, которая могут быть сформированы путем какой-либо комбинации кандидатов, включая одночленовую коалицию.

2. Эффективные коалиции — коалиции с обязательным управлением или правлением, способные при предоставленной им возможности успешно принять бразды правления.

3. Привилегированные коалиции — любая негосподствующая эффективная коалиция: коалиции в привилегированном наборе.

4. Успешная коалиция — коалиция, удерживающая либо принимающая бразды правления единовременно.

5. Протокоалиции — слабо диссонирующие коалиции с четко выраженными склонностями, которые, однако, обычно представляют собой безуспешные, неэффективные коалиции из-за своей малой ресурсной мощности.

6. Формальные коалиции — коалиции, институционально выраженные как власти предрержащие, но не вполне соответствующие критериям успешной коалиции, которая обладает реальной политической властью.

Вслед за этим, на четвертой стадии должно последовать превращение этих случайных, контингентных связок, которые были найдены, в устойчивые, постоянные. Четвертая фаза связана с тем, что найденные здесь связки начинают укрепляться путем структурных изменений, перераспределения ресурсов, освоения среды. Эти процессы регулируются, система начинает регулярно получать на входе и на выходе как раз то, что требуется. В конце концов начинается ресинхронизация. В результате этих постепенных изменений вновь формируется синхронизованная система, в которой все требования оказываются уравновешенными, система снова приходит в какое-то относительно стабильное состояние.

В рамках Стэнфордского проекта модель политического кризиса была проверена на материале семи исторических казусов: парламентской реформы 1832 г. в Великобритании, кризиса партийной системы Великобритании 1932 г., форми-

рования Третьей республики во Франции и Веймарской республики в Германии, ликвидации режима масимато в Мексике середины 1930-х годов, реставрации Мэйдзи в Японии и первого внутреннего кризиса Индийского национального конгресса в 1960-е годы.

Так, в ходе нараставшего с начала XX в. дробления политического спектра (появление новых партий, например, лейбористов, расколы в старых партиях, вызвавшие появление юнионистов и т.д.), прежняя двухпартийная система либералов и консерваторов вступила в период кризиса. В результате интенсивного коалиционирования происходит поляризация и возникновение новой двухпартийной системы лейбористов и консерваторов.

Другой пример — Третья республика во Франции, которая болезненно возникала в начале 1870-х годов после поражения в войне с Пруссией. Сформировавшаяся поначалу коалиция всех патриотических сил оказалась недееспособной ввиду внутренней рыхлости и противоречивости. Пришлось пройти через болезненный период отсекающей от коалиции крайних сил, включая, например, разгром Парижской коммуны, чтобы тяготеющие к центру партии смогли найти наименее конфликтный способ обретения единства страны с учетом основных исторических размежеваний (*cleavages*).

В очередной главе рассматривается период перегруппировки политических сил в Мексике, охвативший примерно 1930-е годы. После революции 1917 г. в этой стране правили так наз. “революционные генералы”. Один из них, Плутархо Кальес, был президентом с 1924 по 1928 г. После ухода с этого поста, обусловленного конституционным ограничением лишь одного срока президентства, он создал систему *масимато*, господства *jefe maximo* (высшего начальника) при номинально избираемых президентах. Одним из них было предназначено стать Лазаро Карденасу, который одно время возглавлял созданную Кальесом в 1929 г. Национально-революционную партию — типичную “партию власти” для контроля политической элиты. Однако в ходе предвыборной кампании 1934 г. и особенно после получения поста президента Карденас перестроил партию таким образом, чтобы осуществить формирование политической коалиции снизу. В результате кризис был преодолен. Переименованная в 1938 г. в Партию мексиканской революции, а в 1946 г. в Институционально-революционную партию, созданная Карденасом структура консолидации политической системы Мексики оставалась у власти и была основой полупарламентской системы в течение нескольких десятилетий вплоть до 2000 г.

В главе, посвященной реставрации Мэйдзи, последняя представлена как парадоксальная драма превратностей. Модернизирующий потенциал сегуната выдыхался постепенно. Япония была открыта для Запада в середине 1850-х годов. Поначалу именно сегун, его администрация, так наз. режим *бакуфу*, или шатра, т.е. военной ставки, словом, военно-административный аппарат пытается начинать некую модернизацию. Очень скоро попытки реформ сверху сталкиваются с сильным сопротивлением со всех сторон. Далее происходит перегруппировка сил, которая позволяет осуществить новый, более мощный виток социальной мобилизации и движение вперед. Это происходит путем отстранения прежнего модернизирующего центра и выдвижения формально консервативных сил. В конечном счете, реставрация императора и японского самодержавия оказывается ключевым фактором успешного перехода к модернизации.

Эмпирический анализ примеров кризисов основан на описанной выше модели. Стэнфордцы прослеживают предусмотренные ею этапы шаг за шагом, максимально привлекая эмпирические данные. Критически важные моменты формирования коалиций они буквально посчитывают по специально разработанной формуле, которая учитывает мобилизуемые ресурсы и сплоченность коалиции (дистанцию между ее участниками). При этом они определяют все логически возможные коалиции и располагают их в порядке, соответствующем исчисляемому по формуле совокупному потенциалу коалиций. Таким образом определяется набор коалиций, который может претендовать на выигрыш и, более того, в этом наборе выделяется некий субнабор, который включает в себя эти коалиции и “разумные возможности” формирования коалиций (т.е. “привилегированный набор”). Предположение заключается в том, что свобода выбора ограничена этим “привилегированным набором”.

Подводя итоги исследования, авторы утверждают, что их подход к объяснению развития увеличивает способность прогнозировать пути и результаты развития. Это, однако, не является прогнозом в полном смысле слова. В своих исследованиях авторы выясняют, что им приходится предсказать больше одного успешного выбора, что в большинстве случаев оставляет реальный исход недетерминированным. Чтобы объяснить реальный исход, во множество переменных нужно включить человеческий выбор, ведение переговоров, несение рисков, мастерство и случайность.

Для политологии — вывод отчасти разочаровывающий, но для решения политических задач — до некоторой степени удовлетворительный. В исторических исследованиях авторов достаточным объяснением определенного результата были переменная “человеческий выбор” и успехи или неудачи лидеров, противопоставляемые ограниченному выбору. В последующих исследованиях компаративисты, желающие пойти по пути применения стэнфордской методологии, будут вынуждены экспериментировать с альтернативным выбором ресурсов и политического курса и предлагать собственные аналитические продукты в надежде на то, что какие-либо лидеры найдут достаточные объяснения творческих выходов из тупиковых для человека ситуаций.

-
- Apter D. 1965. *The Politics of Modernisation*. Chicago: University of Chicago Press.
 Black C.E. 1967. *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History*. N.Y.: Harper & Row.
Crisis, Choice, and Change. Historical Studies of Political Development. 1973. (Ed. by Gabriel A. Almond, Scott C. Flanagan, Robert J. Mundt). Boston: Little, Brown, and Company.
 Deutsch K. W. 1953. *Nationalism and Social Communication*. N.Y.: Wiley.
 Lerner D. 1958. *The Passing of Traditional Society*. N.Y.: The Free Press.